

Роман Перельштейн

Чувство вины и Бог

***

Услышать лес, как Божию любовь,
И плеск ветвей, как ангельскую негу...
Не прячь глаза, не спорь, не суесловь,
Когда сосна безмолвствует под снегом.

Лишь только тихо прислонись к сосне,
Поняв, что больше ничего не надо.

Нет места ни обиде, ни вине,
Когда душа живет
под Божьим взглядом.

Этот стих Зинаиды Александрины заставил меня вновь задуматься о том, что же такое вина, а, точнее, чувство вины?

Вспоминается одна из заповедей старца Зосимы из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Взывая ко всеобщей ответственности друг перед другом, старец наставляет: «воистину всякий перед всеми за всех виноват». Безусловно, чувство вины обладает огромной нравственной силой. Вот и «Смешной человек» Достоевского признается в том, что это он развратил райское человечество. И современный прогрессист готов держать ответ. А вот отставной чиновник Семен Мармеладов из «Преступления и наказания», чувствующий себя страшно виноватым, беспробудно пьет. Он считает себя и «свиньей», и «зверем», и «скотом», и «подлецом», но это не мешает ему падать все ниже и ниже. «Пью, ибо сугубо страдать хочу!» И Зосима, и Мармеладов беспрестанно винятся, но старца кружение вокруг чувства вины спасает, а чиновника - губит. Угрызения совести могут обернуться сущим адом, если Бог не освободит нас от самопоклонения, которое может подпитываться и чувством вины тоже.

Я очень люблю миниатюру католического священника и писателя Энтони де Мелло, стилизованную под суфийскую притчу. Она называется «Мой друг».

Уважаемого человека по имени Малик раздражало распутное поведение молодого соседа. Долгое время Малик терпел, но, в конце концов, он пошел к соседу и потребовал прекратить безобразие.

Юноша спокойно ответил, что он - любимец султана и что никто не смеет указывать ему, как жить.

- Я лично пожалуюсь султану, - ответил Малик.

- Ты напрасно потеряешь время, - ответил сосед, - султан не станет тебя слушать.

- Тогда я обращаюсь к самому Аллаху, - сказал Малик.

- Аллах слишком милосерден, чтобы наказывать меня.

Малик ушел ни с чем. Прошло время. Сосед все больше и больше распоясывался. Малик снова пошел к нему. Подходя к дому юноши, Малик услышал Голос:

- Не трогай? моего друга, он находится под моеи? защитой?.

Малик испытал замешательство и, войдя в дом, не знал, что сказать.

- Ну, что на этот раз? - спросил грешник.

- Я пришел, чтобы сделать тебе замечание, но, подходя к твоему дому, услышал Голос, который? велел мне оставить тебя в покое. Голос сказал, что ты находишься под его защитой?.

Сосед сильно удивился:

- Я - Его друг? Он так и сказал?

Но Малик уже ушел.

Несколько лет спустя Малик встретил своего бывшего соседа в Мекке. Слова Всевышнего так повлияли на него, что он оставил все свое имущество и стал странствующим дервишем.

- Я пришел сюда в поисках своего друга, - сказал он Малику и умер.

Уважаемый человек Малик долго взывал к совести грешника, но это не помогло. А вот слова,

сошедшие с небес, заставили юношу полностью измениться. Что же произошло? И что скрывается за метафорой Голоса, который вдруг услышал Малик?

Можно сказать, что Малик принял соседа таким, каков он есть, со всеми его недостатками. Малик, словно бы сказал ему: «не меняйся», и только тогда беспутный юноша одумался. Но такое объяснение едва ли нас устроит целиком и полностью.

Христос любил людей, как мать любит свое дитя. Это почти недостижимо для нас, и это то же самое, что принимать другого человека таким, каков он есть. Вот только принятие без любви невозможно. Нужно очень любить, чтобы вместить соседа в свое сердце, одного принятию мало. И именно любовь меняет другого человека, именно она творит чудеса. Как говорила Зинаида Александровна: «Мы все невероятно нужны Богу». И даже когда мы уже никому не нужны, для Бога мы драгоценны. Верить в это, и значит верить в Бога.

Бог знает, что мы созданы по Его образу и подобию. Чтобы мы ни сделали, мы все равно дороги Ему, мы Его дети. Он знает, что мы вспомним Его образ. И Он будет ждать столько, сколько потребуется. Да, мы можем Его опечалить, мы можем причинить Ему боль, и даже страшную боль, мы можем глубоко ранить Его, но Он никогда не откажется от нас. Потому что Он верит в нас. Но не Он отдельный от нас, верит в нас отдельных от Него. Он знает о нашем единстве. Вот только мы этого еще не знаем, не ведаем. Христос говорит «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23,34). Бог любит нас, и с этой любовью ничего не может случиться. Когда беспутный юноша понял это, когда он почувствовал это, тогда он и стал другим. Пока Малик был соседом и только, он беспрестанно упрекал юношу, выставял счет, но в этих претензиях и требованиях не было любви. Лишь полюбив соседа-грешника, Малик позволил действовать Богу, и Бог произнес устами Малика единственно возможные слова. Спасти по-другому эту заблудшую душу было нельзя.

Когда другой человек станет тебе не чужим, как он Богу не чужой, когда его боль станет твоей болью, как и боль Бога станет твоей болью, только тогда ты сможешь помочь другому человеку. При этом можно его даже и обвинять, но изнутри, обвинять как любимого, как друга или брата. Пока же он сосед, который тебе мешает, твои обвинения эгоистичны. Прежде всего, он мешает своей собственной душе. И если ты поймешь это, то с твоего соседа и спрос будет другой. И тогда он услышит то, чего раньше не слышал. Сосед услышит из уст Малика: «Не трогай? моего друга, он находится под моеи? защитой?», хотя, возможно, Малик произнес и другие слова. Не имеет значения, что именно сказал Малик, важно как он это сказал – всем сердцем или нет? Изменись, но изменись внутри моей любви, вот что значат слова Всевышнего, обращенные к Малику. А прозвучали эти слова так: «Не трогай его, Малик, он – Мой»...

Другой герой Достоевского - князь Мышкин сказал, что красота спасет мир. Слова князя передает умирающий Ипполит, страшно коверкая их. Ипполит считает, что князь сболтнул такое, потому что влюблен и только. Мышкин не отвечает Ипполиту, как не отвечает Великому инквизитору Христос из поэмы Ивана Карамазова. Да и что ответить? Будет ли понят ответ, готово ли сердце этот ответ услышать? Когда суфия Джелаледдина Руми спросили, стоит ли читать Коран, он ответил: «Ты лучше спроси себя, в том ли ты состоянии, чтобы получить от него пользу?» Конечно же, князь Мышкин говорил о духовной

красоте. Но что такое духовная красота и как она связана с чувством вины?

Напомню известную китайскую притчу о протекающем кувшине.

На одном конце коромысла женщина носила исправный кувшин, а на другом – кувшин с изъяном. Целый кувшин отлично справлялся со своей работой и мог по праву гордиться собой. А кувшин, в котором была трещина, страшно страдал, оттого что терял по дороге половину воды. И вот как-то ночью протекающий кувшин взмолился. «Хозяйка, разбей меня! Я бы хотел служить тебе верой и правдой, но не могу. Ты трудишься в поте лица, а я все время подвожу тебя». «Глупый кувшин, - ласково ответила хозяйка. - Когда я поняла, что ты протекаешь, я посадила семена на обочине дороги. И вот благодаря трещине в твоём боку с твоей стороны дороги поднялись прекрасные цветы. Уже не первый год я срезаю их, украшая наш дом. Благодаря тебе наш дом посетила красота». Только тут протекающий кувшин увидел цветы на столе и впервые почувствовал их аромат. Он настолько был захвачен чувством вины, что не видел ничего вокруг.

Вселенная найдет наилучшее применение всем нашим недостаткам, и нам не стоит понапрасну изводить себя. Предаваясь самобичеванию мы можем просто не заметить, что этот мир посетила красота. И мы - виновники этой красоты. Нам же порою хочется считать себя виноватыми совсем в других вещах. Откуда эта потребность в страдании и привычка к нему? Как же заманчиво мармеладовское «Пью, ибо сугубо страдать хочу!». Но страдать по-мармеладовски, это значит чувствовать себя виноватым за чужой счет. В записных книжках Лидии Гинзбург есть такая запись: «А кто не вытащит из себя жало уязвленного самолюбия, тот не увидит чужих страданий». Мармеладов прекрасно видит страдания и своей жены, и своих приемных детей, и своей дочери Сони, но уязвленное самолюбие, пропущенное через кабак, берет верх.

Мы порою просто не умеем испытывать чувство вины, духовно не доросли до него. Мы превращаем это чувство в орудие изощренной пытки, когда забываем о том истинном, что есть в нас. Прежде, чем осудить себя, нужно полюбить в себе Бога, а иначе самосуд обернется циничным фарсом. Именно это и происходит с героем романа «Бесы» Николаем Ставрогиным, который пытается исповедоваться Тихону.

Как мы влюблены в свои раны, как мы жаждем справедливости! Мы не видим внутренней красоты и высоты вещей. А эта красота всегда здесь. И только она может спасти и мир, и нас.

Я приведу обширную цитату из духовной биографии Зинаиды Миркиной. Это удивительное признание является одновременно и исповедью и проповедью.

«А «проклятые» вопросы подступали все ближе и ближе. Обступали, окружали стеной. Весь мир представлялся мне сплошной раной, сплошным страданием. Весь животный мир поедал друг друга. Да и человек ел животных, и все люди доставляли страдания друг другу. И я не могла не доставлять страданий, что меня совершенно ужасало. Ну вот хотя бы: не могла

ответить на любовь и чувствовала, какое приношу страдание. От этого я сама страдала едва ли не больше, а может быть и гораздо больше, чем тот, кого я не могла принять.

Все это было ненормально, болезненно. Я ни с кем не делилась своими переживаниями и даже с виду была одной из самых веселых девочек на курсе. Вот такой парадокс. Однако жить становилось все невыносимей. И поток самообвинений все рос и рос. Как-то так получалось, что я всегда, если можно было с кого-то спрашивать, то спрашивала с себя. Считала себя виноватой перед всеми с полнейшей искренностью. Я была тогда очень далека от христианских книг, не знала никаких фраз вроде «я хуже всех», «я перед всеми виновата», но я именно так чувствовала. Плодотворным и важным мне казался только спрос с себя. Потом я поняла, что я как бы протираю душу, как бумагу ластиком, и дотерла до дырки. Душа стала сквозной, и в нее хлынуло то, что вечно рядом, но так редко проникает внутрь нас. Плотная стена нашего эго обычно не пускает. В какой-то день эта стена вдруг рухнула. Это был совершенно особый день. День кульминации боли. Казалось, еще немного и – сердце не выдержит. Это было на даче. Была гроза. А потом вошло солнце, и ель, которая стоит перед балконом, — вся в каплях, в тысячах крупных дождевых капель – вдруг вспыхнула тысячью солнц. Это было что-то непередаваемое. Потрясение. Душевный переворот. Когда несколько лет спустя я увидела икону Феофана Грека «Преображение», я почувствовала в опрокинутых, потерявших все прежние ориентиры апостолах – то самое, пережитое мной состояние. Свет, небывалый – сверхъестества – как будто проколол сердце насквозь и не убил, а пересоздал его. Прежде всего появилась полная уверенность, сверхразумная, вне всякой логики, что Творец этой красоты — совершенен. Это сердцу открылось. А затем произошло нечто, что не передашь прямым словом, потому что слова нашего языка однолинейны, а то, что я увидела, была многомерность. И хотя физические мои глаза не видели НИЧЕГО, кроме ослепительной красоты, внутренние мои глаза увидели Бога. И другим словом я этого не передам. Я увидела то, чего представить себе не могла, ибо этого не знала раньше душа. – Новый облик, новый взгляд, новый строй чувств. Я почувствовала взгляд на себе, в котором была бесконечная любовь и покой в одно и то же время. Именно это скрещение любви и покоя было потрясающим. Беспредельная любовь ко мне и совершенный покой за меня, как бы трудно мне ни было. Если бы одна любовь без покоя – это было бы бессильем. Если бы один покой без любви – равнодушием. А вот сочетание их было каким-то сверхмирным внутренним всемогуществом. И в этом взгляде, в этом новом внутреннем строе был ответ на все мои вопросы и на всю боль. Смысл мой не в том, чтобы удовлетворять мои желания, а в том, чтобы преображать их, – в той самой высоте, которую может достичь моя душа и всякая человеческая душа. На этой высоте рождается внутренний свет и всеобнимающая любовь. Сердце чувствует вечность так же ясно, как рука – твердые предметы. – Небесная твердь. И на тверди этой уже ничего не нужно извне. Душа питается из внутреннего источника и находит в нем все для утоления своей жажды и голода. Весь мир в ней, и она раскрывает его для всех».

Случилось это с Зинаидой Александровной в девятнадцать лет. Прошлой зимой я задал ей вопрос. После того, как душа была протерта чувством вины до дырки, это чувство, заставлявшее душу так страдать, исчезло? «Да, - ответила она. – Конечно». И добавила, что

теперь перед Ним нужно было отвечать, перед этим, пробившим ее Светом. И мир стал целым, душа исцелилась. Это не значит, что душа совершенно перестала страдать и ощущать свою связь с другими страдающими душами. Это значит, что в душе отрылась такая глубина, на которой страдания нет, которая стала выходом из страдания.

Зинаида Александровна очень любила рассказ об индийском святом Рамакришне, к которому пришел отец, потерявший сына. Три дня Рамакришна вместе с безутешным отцом оплакивал дитя, а потом запел гимн жизни. И человек, почти раздавленный горем, запел вместе с ним.

Там, где есть только страдание, там нет Бога. Там откуда страдание изгоняется из страха перед ним, там нет Бога. Бог там, где есть и страдание, и выход из страдания.

Гадкий утенок из андерсеновской сказки наконец-то решается подплыть к величественным лебедям. Низко опустив голову, он произносит: «Убейте меня!» И в этот момент он видит в зеркале воды свое отражение. Оказывается, он не гадкий утенок, а прекрасный лебедь. Выстрадав свое озарение, он обнаружил в глубине глубин своего существа нечто столь прекрасное и возвышенное, что глубина запела и тьма расступилась. Увидев таинственную красоту мира, увидев красоту в других, он открыл ее и в себе самом. И его страданиям, которые были связаны с тем, что он принимал себя за безобразное существо, был положен конец. Любовь к той красоте, которой он не позавидовал, но перед которой преклонился, которой причастился, даровала ему лебединые крылья.

Так протекающий кувшин умолял хозяйку разбить его, а она показала кувшину, какое место он занимает во Вселенной, насколько он важен. Без треснувшего кувшина Вселенная будет неполной. И глиняный сосуд, заклевавший самого себя бесконечными обвинениями, воспрял духом. Да, он по-прежнему будет течь, но это уже не станет его беспокоить и отвлекать от простых каждодневных действий исполненных глубокого смысла. Ведь о нем позаботилась сама Вселенная, которая и создала его таким.

Нам нельзя опускаться до ненависти к той глине, которая преобразуется в руках Творца. Махатма Ганди сказал: «Британцы должны покинуть Индию друзьями»...

Образ гадкого утенка прошел через всю жизнь Григория Померанца. Григорий Соломонович раскрыл свои лебединые крылья, но никогда не говорил, что он лебедь. Небо открывается с любой ступени, важно чтобы твои шаги были не воображаемыми, а реальными – вот одна из его заветнейших мыслей. Приведу цитату из духовной автобиографии Померанца «Записки гадкого утенка».

«У Андерсена утенок, найдя пруд с лебедями, глядится в воду и видит, что сам он тоже лебедь. После этого нечего больше искать. Все найдено.

Я думаю, что с настоящим гадким утенком такое случится разве только в раю. А на земле гадкий утенок остается утенком. Хотя он может почувствовать в себе лебединость. Больше

того: я убежден, что каждый гадкий утенок несет за своими плечами неразвернувшиеся лебединые крылья, (...)

Гадкий утенок может учиться летать, может много раз испытывать чувство высоты... А потом снова оказываться на земле гадким утенком.

(...) Гадкий утенок тянется к лебединости, не может не тянуться, и все-таки остается гадким утенком. Поднявшись на две-три ступеньки, на несколько ступенек поближе к лебедям, но утенком.

Лебедь - это совершенный образ и подобие Бога. Так его понимали индийцы, называя лебедями своих величайших святых».

Я уверен, что тот, кто разделит с лебединой стаей небо, сам становится лебедем, но при этом он может говорить о себе как о гадком утенке, и в этом нет противоречия.

У Бога есть только один замысел. Сокрушить наше сердце из огромной любви к нам. И в сокрушенном сердце нет уже ни обиды, ни вины. Но если наши руки заняты, чем бы они ни были заняты, да хоть чувством вины, мы не готовы принять милость Божью. Американский гуру Рам Дасс призывает отказаться от тех вещей, которые не приводят к Богу. И если чувство вины не приводит нас к Богу, то чувство вины смело нужно отбросить наряду с саможалением и отчаянием.

Однако вернемся к «Запискам гадкого утенка». Глава «Неразрешимое» для меня одна из самых важных. Григорий Соломонович признается в том, что есть в жизни ситуации, из которых невозможно выйти с чистой совестью. Он пишет:

«За все приходится платить. Не только силами, здоровьем, но и совестью. Чувством греха и потребностью в очищении.

За жизнь с Зиной мне тоже приходится платить. Я чувствую себя виноватым постоянно. Перед людьми, от которых ее защищаю, и перед ней, что недостаточно защитил. Виноват, что втягивал ее в напряженные отношения с властью, что из-за меня рухнула ее карьера переводчицы и не печатались ее стихи и постоянно давил на нее страх за меня, который я не мог устранить (...) И виноват я, что меньше сосредоточен, чем нужно, и слишком редко бывает у меня состояние, которое лечит ее. И виноват, что не умею защитить ее от нее самой, от ее порывов жалости».

Далее он рассказывает о поистине неразрешимом, не приукрашивая действительность и ни оправдывая себя.

«Несколько лет назад стала терять разум моя тетка. Муж ее умер, сын уехал в Израиль. Родственники приезжали дежурить, ездил и я, но это не было радикальным решением. Надо было или взять одинокую к себе, или отдать в больницу. Зина рванулась: возьмем к себе.

Я ответил, что скорее выброшусь в окно. Не потому, что не могу жить рядом со слабоумной. Я бы, может быть, сумел, или, во всяком случае, попробовал бы. Не сможет Зина. Она просто погибнет без своей раковины, без своего внутреннего пространства. И я беру грех на себя. Тетю поместили к Ганнушкину; мне до сих пор больно вспоминать, как она там умирала. Но другой раз я сделал бы то же самое. Это не правило и даже не прецедент; неповторимый частный случай. Зина идет по жизни, как по проволоке, волоча за собой левую сторону тела. С дополнительным грузом она бы рухнула. И все же я не чувствую себя оправданным. Это было неизбежно - и дурно. Жертвовать одним ради другого всегда дурно. Единственно плодотворное, что есть в таком грехе, - это сознание греха».

Сознание греха – это главное условие зрелости души, не потому ли александрийский сапожник в простоте сердца произносит: «Все спасутся, один я погибну за грехи мои». Но когда душа живет под Божьим взглядом, то вместе с пронзительным осознанием греха приходит и освобождение от него.

Хасидский цадик Зуся обладал уникальным даром – взглянув на человека, он видел все его грехи. Но после того, как учитель Зуси произнес над ним благословение, Зуся начал видеть в людях только хорошее, даже когда это казалось невозможным. Кончилось тем, что равви Зуся, все грехи, которые он все-таки распознавал в людях, считал своими собственными и обвинял в них самого себя.

Может быть, так и следует понимать слова александрийского сапожника – все спасутся, а я в ад попаду? Чувство вины такого рода дает душе силы выстоять в испытаниях. И все-таки, там, где есть Бог, больше уже ничего нет. Приведу еще одно стихотворение.

***

Над нами небеса тихи

и ждут, чтоб ты затих.

Бог не прощает нам грехи -

Он вытесняет их.

Самим собой Податель сил

Одаривает всех.

И сколько Бога ты вместил –

Настолько убыл грех.

Мы гуляли с Зинаидой Александровной по зимнему лесу. Навстречу вышли две пожилые женщины и поприветствовали Миркину. Как водится - справились о здоровье. Зинаида Александровна, смущаясь, пожаловалась на свою ногу. Тогда одна из женщин всплеснула руками и, указав на меня, сказала: «Зато у вас подпорка есть!»

Какое это хорошее слово «подпорка». Подпорка - это то, что не пригодилось для большого дела, что просто оказалось под рукой. И какое же это счастье оказаться под рукой. Вдруг понимаешь, что в этом и состоит смысл жизни. И я знаю очень многих людей, которые дышат тем же, понимая жизнь как служение. И не удивительно, что они стремятся быть рядом друг с другом. Они помогают друг другу своим покоем, прежде всего покоем, а уже потом и действием, когда действия необходимы.

Все, что от нас требуется – это преданность. Зинаида Александровна будет всегда предана Богу. И если мы храним верность тем людям, которые ни на минуту не отвернулись от Бога, то о чем нам беспокоиться? Ум становится тихим, как зимний лес. Виноваты ли мы перед другими людьми? Конечно, виноваты. Но это не должно заслонять Бога, у Которого, по выражению Сурожского, хватит и любви, чтобы просить нас и сил, чтобы нас изменить. Закончу тремя миркинскими строчками, простыми и спасающими.

И если эта тишина

До капли будет вмещена,

То снимется с души вина...

Декабрь, 2018